

Секция «История социально-политических учений России»
Сцены суда в работах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского
Петракова Анна Владимировна
Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: petrannetta@mail.ru

«Великие реформы» Александра II — важный шаг на пути к либеральному характеру развития России, ее прогрессу и процветанию. В 1864 г. правительство императора проводит судебную реформу, которая должна была сделать суд России открытым, гласным, состязательным. Вводился суд присяжных заседателей, утверждалась презумпция невиновности. Гражданственность и демократия стали целью политики правительства.

В историю эти изменения вошли как передовые черты новой судебной системы России второй половины XIX века. Однако Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой, великие русские писатели и философы, имели иной взгляд на либеральные преобразования и дали свою оценку социально-политических последствий судебной реформы.

Роман «Воскресение» Л.Н. Толстого и публицистические очерки Ф.М. Достоевского содержат сюжеты необыкновенных историй жизни обычных людей, которые становились главными участниками судебных процессов. Сравнительный анализ работ дает ясное представление о сущности событий, происходящих в период социально-политических нововведений.

Классовый характер нового суда, его несправедливость для бедных людей подробно описал Л. Н. Толстой в романе «Воскресение». Это его последнее и самое не однозначное произведение, в котором нашли свое отражение конфликты веры, творчества и политики.

В центре сюжета романа история простой женщины, Екатерины Масловой, обвиняемой в краже и убийстве, которые она не совершала. Л.Н. Толстой дает подробное описание обстановки в новом суде, где решается судьба героини. Перед читателем портрет председателя, адвоката, прокурора, присяжных — ключевых участников процесса: «В небольшой комнате присяжных было человек десять разного сорта людей», — автор подчеркивает всеобщность [3, с. 24]. «На всех был, — несмотря на то, что многих это оторвало от дела и что они говорили, что тяготятся этим, — на всех был отпечаток некоторого удовольствия сознания совершения общественного важного дела» [3, с. 24]. Будто каждый пришел в суд, чтобы успокоить свою совесть и поддержать социальный статус, а не для того, чтобы искренне помочь. Таким образом, Толстой указывает на лицемерие и равнодушие присяжных к судьбам обвиняемых и пострадавших: «Как только присяжные уселись, председатель сказал им речь об их правах, обязанностях и ответственности <...> Все слушали с почтительным вниманием. Купец, распространяя вокруг себя запах вина и удерживая шумную отрыжку, на каждую фразу одобрительно кивал головою» [3, с. 34].

Л.Н. Толстой отмечает, что в новом суде вердикты не стали справедливее, зато речи выступающих наполнились нотами пафоса и удлинились: «И зачем это читать? Только затягивают. Эти новые метлы не чище, а дольше метут», — говорит один из членов заседания [3, с. 75].

«Войдя в совещательную комнату, присяжные, как и прежде, первым делом достали папиросы и стали курить» — сидя в зале, как подчеркивает автор, присяжные испытывали «неестественность и фальшь» своего положения [3, с. 84].

Когда присяжные приступили к обсуждению дела Екатерины Масловой, выявился весь непрофессионализм участников и их пренебрежение ответственностью. Автор неоднократно подчеркивает, что при вынесении решения по делу обвиняемой, присяжные не

утруждались в поисках справедливых фактов в защиту подсудимой. Всё дело в том, что согласиться на обвинение прокурора было легче, чем идти против него. А все присяжные стремились к завершению процесса и освобождению от этой благотворительной деятельности. Интуитивно они понимали, что Маслова не виновна. При составлении своего решения, присяжными была упущена деталь, которая имела большое значение при вынесении приговора. Заседатели снимали обвинение с подсудимой в краже, подразумевая тем самым и невиновность в убийстве, для них эта связь была очевидна, но не для председателя суда.

Таким образом, невиновному человеку было предъявлено наказание. Чтобы подать прошение, необходимо иметь деньги и связи. Маслова, женщина незнатного происхождения, не могла позволить себе такую защиту. Однако благородная по своим помыслам, героиня Толстого, не смогла и позволить влюбленному в нее Нехлюдову, человеку высшего общества, исправить эту судебскую ошибку. Анализ романа «Воскресение» показывает, как новые реформы отразились на судьбах обычных людей.

На страницах «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского последствия реформы судебной системы выступают в качестве одной из важных общественно-политических тем. Автор предпринял попытку описать новую судебную действительность глазами не профессионального юриста, не политика, а простого наблюдателя.

В статье «Среда» приводится пример того, как присяжные заседатели, наоборот, оправдывают виновного. Несмотря на то, что судебная реформа должна была привести к росту гражданственности, пишет Достоевский, она становится источником проявления старой народной, чисто русской черты — «жалостливости». Смысл присяжных заседателей заключается в том, что они должны выражать мнение большинства, то есть фактически «возносить себя до целого мнения страны» [1, с. 16]. А русские присяжные жалостливо оправдывают настоящих преступников, будто это их личное дело, ссылаясь на состояние общественной «среды»: «Есть только подлое устройство среды, а преступлений нет вовсе» [1, с. 20]. Представляя несчастными настоящих преступников, присяжные делают несчастными мирных граждан, считает Достоевский. Всеми виной миф о, так называемых, «невыносимых условиях», которые вынуждают слабых духом людей совершать преступления. Писатель убежден, что безнаказанность приводит к упадку нравственности в обществе. Виновный должен пройти путь очищения, его пример должен стать показательным для других, а иначе, «откуда у нас взяться гражданам-то?» — спрашивает автор [1, с. 23].

Проблему судопроизводства Достоевский продолжает рассматривать и в более поздних статьях «Дневника писателя» за 1876-1877 гг., описывая судебные процессы частных лиц. Это и дело Кронеберга, и суд над госпожой Каировой, и освобождение подсудимой Корниловой, а также дело семьи Джунковских, процесс, давший материал для романа «Братья Карамазовы». Здесь нелепость, несостоятельность судебной системы России выходят на передний план. Автор снова обращается к теме «заедающей среды», которая оправдывает безнравственное поведение.

Родители, жены, мужья, дети становятся преступниками ввиду различного рода неблагоприятных условий: недостатка денег, внимания, признания, любви. Главными действующими лицами на суде становятся адвокаты. Достоевский видит проблему в том, что адвокаты талантливо убеждают публику и судей в невиновности своих подзащитных, призывают людей к жалости. Адвокат — это лишь набор риторических навыков, адвокату не важно, виновен его клиент или нет. Главное — «выбить слезу». Достоевский раз за разом разочаровывается неискренностью судебных ораторов, которые защищают только частные интересы и не делают ничего для того, чтобы «мир в целом стал лучше». Новый суд — лишь сцена для демонстрации таланта «изворотливости», резюмирует автор.

Кульминацией всех рассуждений Достоевского на тему судебного вопроса становится серия статей о семье Джунковских, в частности, «Фантастическая речь председателя суда». Автор начинает с того, что семья — это опора государства, от нее зависит облик страны. Современность Достоевский характеризует обилием «случайных семейств», в которых порвана связь с «отцовскими традициями», такая семья не дает новому поколению «добрых и святых начал». В такой «случайной семье» и зарождаются общественные болезни и преступления. В «Фантастической речи. . .» писатель говорит о том, что избежавшие физического наказания преступники еще не свободны от терзаний совести. И методом лечения общественных язв отнюдь не является состязательный суд, а искренние чувства: «Ищите же любви и копите любовь в сердцах ваших. Любовь столь всемогуща, что перерождает и нас самих. Любовью лишь купим сердца детей наших, а не одним лишь естественным правом над ними» [2, с. 227]. Только нравственный суд может стать совестью и наказанием преступников, этих слабых людей, раздраженных средой эгоистов, «позволивших себе принять слишком близко к сердцу свой неуспех» [2, с. 227]. Описывая жизнь обычных людей, их проблемы и переживания, автор показывает последствия судебной реформы, намекая на то, что либеральные преобразования не способствуют улучшению общества.

Таким образом, и роман «Воскресение» Л.Н.Толстого, и «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского расширяют представление о судебном вопросе в России второй половины XIX века. Разные тексты двух авторов показывают, что преступником может оказаться любой из участников процесса. Будь это простой человек из народа или член дворянского рода, оказавшись на скамье подсудимых, он получит такой приговор, который будет удобно составить и услышать людям, которые спешат домой, не принимают во внимание факты или просто испытывают жалость. Исходя из этого, можно утверждать, что и Толстой, и Достоевский видят справедливую и функциональную судебную систему России в совсем других идеалах, далеких от западных. Отказ ли это от суда формального в пользу морально-нравственного?

Источники и литература

- 1) Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873 // Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989—1996.
- 2) Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877, 1880, август 1881 // Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989—1996.
- 3) Толстой Л.Н. Воскресение // Собрание сочинений в 22-х томах. М.: Художественная литература, 1983.